

На правах рукописи

УДК: 811.112:2

Мовчан Марина Константиновна

**ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ДИСКУРСНЫХ
КОМПЕТЕНЦИЙ НARRATIVA В ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ ГДР И ФРГ**

Специальность: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (немецкие языки)
(филологические науки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Санкт-Петербург

2026

Работа выполнена на кафедре немецкой филологии федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена».

Научный руководитель: доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры немецкой филологии федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена» **Андреева Валерия Анатольевна**

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры немецкой филологии федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» **Баева Галина Андреевна**

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры немецкой и французской филологии федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова» **Боднарук Елена Владимировна**

Ведущая организация:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный экономический университет»

Защита состоится **«24» марта 2026 года в 16:00 часов** на заседании Совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук 33.2.018.08, созданного на базе Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, по адресу: 199004, г. Санкт-Петербург, 1-я линия В.О., д. 52, ауд. 48.

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (191186, г. Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д. 48, корп. 5) и на сайте университета по адресу: http://disser.herzen.spb.ru/Preview/Karta/karta_000001174.html

Автореферат разослан «_____» 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Камшилова Ольга Николаевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемое диссертационное исследование посвящено особенностям языковой реализации дискурсных компетенций нарратива в западно- и восточногерманском историко-биографическом дискурсе.

Актуальность темы исследования. Поскольку нарратив является одним из основных способов фиксации, хранения и передачи человеческого опыта в различных сферах деятельности, его изучение представляет научный интерес для современной лингвистики, стилистики и типологии текстов.

В отечественной германистике исследования историко-биографического дискурса с точки зрения языковой манифестации коммуникативных стратегий представляются перспективными, поскольку нарратив способствует само- и взаимопониманию людей, отбирая значимые для них моменты и события и соединяя в целостное повествование. В настоящее время нарратив активно изучается в различных устных и письменных дискурсах (художественном, повседневном, медийном, политическом и др.). Перспективно исследование нарратива как способа объяснения и аргументации в рамках теоретического дискурса, одной из важнейших черт которого является стремление субъектов коммуникации к объективности и, следовательно, исключению инстанции «я» (в то время как в нарративном дискурсе инстанция нарратора присутствует). Это определяет актуальность настоящей работы, заключающуюся в необходимости выявления и теоретического осмысления типологических черт историко-биографического дискурса посредством эмпирической интерпретации нарративных и лингвостилистических средств их выражения при помощи дискурсных компетенций: референтной, креативной и рецептивной.

Ранее историческое повествование исследовалось главным образом с позиций философии истории, изучающей особенности отражения процессов познания в исторических трудах. Особое внимание уделялось проблемам объективности, каузальности (зарубежными исследователями, такими как M. Вебер, A. Данто, P. Рикёр, H. M. Baumgartner, M. Mandelbaum, W. J. Mommsen, J. D. Velleman и др., а также некоторыми отечественными исследователями: А. М. Аматовым, Н. Г. Козиным, Е. В. Мишаловой и др.), жанровой принадлежности историографических, в частности, биографических, текстов (Ю. М. Лотман, Т. Н. Попова, Ю. В. Шатин, K. Acham, G. Mann, J. Rüsen, K. Stierle, N. White и др.), роли личности в истории (И. Л. Беленький, Л. И. Бородкин, Л. Е. Гринин, Th. Carlyle, C. Ni Dhuill и др.). Также необходимо упомянуть типологические и лингвопрагматические исследования русскоязычного исторического дискурса (А. П. Миньяр-Белоручева, С. С. Субботенко).

Объектом исследования является историко-биографический нарратив разделённой Германии: тексты, созданные в ГДР и ФРГ в период существования этих двух государств; так называемые «параллельные биографии», посвящённые одним и тем же значимым деятелям немецкой истории.

В качестве **предмета** научного анализа выступают реализуемые в нарративных текстах западно- и восточнонемецких исторических биографий нарративные компетенции: референтная, креативная и рецептивная. Они позволяют задать риторическую модель для параметризации высказываний по коммуникативным стратегиям и тактикам.

Цель работы заключается в том, чтобы на основе выявленных средств языковой манифестации референтной, креативной и рецептивной компетенций нарратива в исторических трудах учёных ГДР и ФРГ, которые составляют специфику коммуникативных стратегий и тактик, формирующих данный тип дискурса, разработать модель анализа историко-биографического дискурса, исходя из реализации данных компетенций.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- определить особенности дискурсивной параметризации историко-биографического нарратива;
- проанализировать коммуникативную ситуацию, в рамках которой создавались анализируемые историко-биографические тексты в разделённой Германии;
- выделить доминирующие нарративные компетенции на основании параллельного анализа монографий западно- и восточнонемецких историков;
- выявить в анализируемых текстах коммуникативные стратегии и тактики;
- разработать и обосновать аналитическую модель историко-биографического дискурса ГДР и ФРГ на основе систематизации выделенных дискурсных компетенций нарратива и средств их реализации.

Теоретическую и методологическую основу исследования формируют научные труды отечественных и зарубежных учёных в области:

- нарратологии: В. А. Андреева, М. М. Бахтин, Ж. Женетт, В. И. Тюпа, Ю. В. Шатин, В. Шмид, M. Fludernik, K. Hamburger, H. James, E. Lämmert, T. Köppre и T. Kindt, W. Schapp, F. K. Stanzel и др.;
- прагматики и риторики: А. А. Волков, А. В. Голоднов, Т. А. ван Дейк, В. И. Карасик, А. А. Колотов, К. Ф. Седов, И. В. Чернигова и др.;
- философии истории: М. Вебер, А. Данто, П. Рикёр, A. Demandt, A. Dorschel, N. Ferguson, A. Koschorke, M. Mandelbaum, K. Stierle и др.;
- стилистики и интерпретации текста: Е. А. Гончарова, М. Н. Кожина, Л. Б. Копчука, М. П. Котюрова, Ю. М. Лотман, Ц. Тодоров, И. П. Шишкина, Н. Л. Kretzenbacher, H. Weinrich и др.;
- биографики: И. Л. Беленький, А. Л. Валевский, Г. О. Винокур, Т. Н. Иванова и Г. П. Мягков, Д. С. Козлов, Л. Р. Репина, А. В. Терпугова, R. Breckner, C. Ni Dhuill, D. Riesenberger и др.;
- дискурс-анализа: В. А. Бурцев, Т. А. ван Дейк, М. Фуко, С. Н. Плотникова, В. Е. Чернявская, S. Chatman, M. Pecheux, J. Spitzmüller, I. H. Warnke и др.

В качестве **методов** исследования использовались общенаучный описательный метод (наблюдение, обобщение, интерпретация и классификация), методы сравнительного, контекстуального и дискурс-анализа текстов. Дискурс-анализ является ведущим методом исследования, поскольку при анализе историко-биографических текстов учитываются их институциональные рамки, социальная и интеллектуальная направленность, обусловленные как конкретной ситуацией общения, так и дискурсной формацией.

Материалом исследования служат тексты исторических биографий, написанные в ГДР и ФРГ в период с 1949 по 1990 г. и посвящённые одним и тем же эпохам и персоналиям («параллельные биографии»: термин Й. Г. Бринкса [Brinks 1992: 288–289]): королю Фридриху II (авторства И. Миттенцвай (ГДР) и К. О. фон Аретина (ФРГ)), Отто фон Бисмарку (авторства Э. Энгельберга (ГДР) и Л. Галля (ФРГ)), Мартину Лютеру (авторства Г. Брендлера (ГДР) и Ф.-В. Кантценбаха (ФРГ)) и императору Вильгельму I (авторства К. Х. Бёрнера (ГДР) и Ф. Герре (ФРГ)). Объём исследованного корпуса текстов составил свыше 3400 страниц.

Научная новизна исследования определяется постановкой и решением / разработкой проблемы: сравнением коммуникативных стратегий и дискурсных компетенций в трудах историков – представителей двух различных идеологий и, соответственно, различных дискурсных формаций. Впервые историко-биографические тексты, созданные в разделённой Германии, проанализированы как нарративные и в то же время как носители и трансляторы научного знания. Кроме того, в настоящем исследовании впервые создаётся и обосновывается модель анализа исторических биографий на основе систематизации выделенных дискурсных компетенций нарратива и средств их реализации, позволяющая расширить базу научного осмыслиения научной коммуникации на материале немецкого языка.

Положения, выносимые на защиту:

(1) Специфика историко-биографического дискурса заключается в его синкретичности (конвергентности), проявляющейся во взаимодействии черт, присущих теоретическому, нарративному и риторическому дискурсам. Это даёт основание говорить о том, что историко-биографический дискурс является периферией теоретического дискурса.

(2) В историко-биографическом дискурсе действует ряд коммуникативных стратегий, а именно: стратегии информирования, объяснения, оценивания, самопрезентации и объективации, которые реализуют общую аргументативную стратегическую направленность историко-биографических текстов.

(3) Историческая биография, являясь прототипическим жанром исторического нарратива, соответствует ему по форме и содержанию, ставяющему во главу угла взаимоотношение между личностью и ходом

истории. Нarrатив является основным инструментом аргументации в историко-биографическом тексте.

(4) Роль нарратива в развёртывании основных коммуникативных стратегий историко-биографического дискурса может быть описана с помощью триады нарративных компетенций: референтной, креативной и рецептивной. Референтная компетенция историко-биографического нарратива направлена на формирование содержания исторической биографии. Креативная компетенция направлена на аранжировку и ранжирование исторического событийного континуума. Рецептивная компетенция нацелена на учёт фактора адресата – формирование интерсубъективной повествовательной перспективы.

(5) Нарративные компетенции, обеспечивающие развёртывание коммуникативных стратегий в текстах историко-биографического дискурса, имеют разную значимость для каждой из стратегий, что позволяет говорить об одно- и двудоминантных коммуникативных стратегиях. Частные стратегии информирования и объяснения являются однодоминантными: в них доминирует референтная компетенция. В частных стратегиях оценивания, самопрезентации и объективации доминируют две компетенции: в случае стратегии оценивания – референтная и креативная, в случае стратегий самопрезентации и объективации – креативная и рецептивная.

(6) В исторической перспективе нарративные компетенции по-разному проявляют себя в различных дискурсных формациях. Тем не менее историко-биографические тексты ГДР и ФРГ, соотносимые с разными общественно-политическими формациями, представляют собой единый дискурс, что объясняется конвергентным характером развития историко-биографического дискурса разделённой Германии (1949–1990 гг.). Различия между западно- и восточногерманским историко-биографическим нарративом прослеживаются только в наличии идеологических импликаций, объясняющихся спецификой соответствующей дискурсной формации, а также в особенностях развёртывания исследовательского «я» (креативной компетенции историографа).

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что полученные результаты вносят вклад в развитие общей теории текста и дискурса, нарратологии, теории научной коммуникации. Они позволяют уточнить сложившиеся представления об историческом повествовании в свете актуальных теорий дискурса, выявить особенности текстового построения историко-биографического нарратива, определить основные дискурсные компетенции участников речевого общения и способы их реализации в западно- и восточногерманском историческом повествовании XX в. Разработанная модель анализа дискурса может найти применение в решении актуальных проблем теории коммуникации: адресации текста, описания

способов речевого воздействия, типологии коммуникативных стратегий и тактик.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты применимы в дальнейшем изучении реализации нарративных компетенций на примере исторических дискурсов других государств и культур, а также исторических дискурсов одной культуры в диахронии. Практическое применение работы может найти также в рамках преподавания теоретических и практических дисциплин (общего языкознания, теории коммуникации, истории, стилистики и интерпретации текста, лингвокультурологии, лингвострановедения), а также спецкурсов по дискурс-анализу, нарратологии, риторике и лингвистической pragmatике.

Апробация результатов исследования. Результаты диссертационного исследования обсуждены и одобрены на заседании кафедры немецкой филологии ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена».

Основные положения диссертационного исследования представлялись в докладах на вузовских, межвузовских и международных конференциях и научных семинарах в Москве, Новосибирске, Челябинске, Липецке, Бонне, в 11 публикациях на русском, английском и немецком языках, 3 из которых опубликованы в ведущих рецензируемых журналах и изданиях, входящих в перечень, утвержденный Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации. Материал диссертации использовался в рамках доцентской практики по интерпретации текста в РГПУ им. А. И. Герцена.

Объём и структура диссертации. Исследование изложено на 212 страницах печатного текста. Работа состоит из введения, четырёх глав, включающих десять параграфов, заключения, списка использованной литературы(186 наименований, из них 98 – на иностранных языках) и списка материалов.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обосновываются актуальность темы исследования, определяется степень её научной разработанности, цель и задачи, объект и предмет диссертационного исследования, его теоретическая и методологическая основы, сведения о языковом материале, обосновывается научная новизна и практическая значимость результатов работы, формулируются основные положения, выносимые на защиту, приводятся данные об апробации результатов исследования, сведения об объёме и структуре диссертации.

В первой главе «Проблема дискурсивной параметризации историко-биографического дискурса» рассматриваются особенности исторического, биографического и теоретического дискурсов; обосновывается неориторический подход к анализу исторических биографий и уточняется

положение исторического дискурса в составе теоретического дискурса (или ментатива).

Нarrатив в историческом дискурсе выступает как инструмент для аргументации и создания / иллюстрации теории, и в этом заключается отличие исторического дискурса от других субдискурсов ментатива. В частности, основные стилевые черты немецкоязычного теоретического дискурса (запреты на повествование, метафору и инстанцию «я») нарушаются в историческом дискурсе в связи с его нарративным характером. Исторический дискурс диалогичен, он носит синкетический (конвергентный) характер, выражаящийся в наличии элементов связанных дискурсов в его составе.

Актуальность изучения биографий связана с так называемым «биографическим поворотом» в рамках «нarrативного поворота» (Й. Брокмейер, Р. Харре) и с особенностями композиции и содержания биографии, позволяющими рассматривать данный жанр как прототипический нарративный.

В рамках биографии выделяются различные жанры биографий и подходы к их исследованию. Научные биографии находятся на периферии научно-теоретического (академического) субдискурса, поскольку, хоть и представляя новое знание, не постулируют новой теории, а лишь иллюстрируют имеющуюся. Спорными вопросами в области биографии и философии истории являются подход к выбору «героя» биографии и возможность построения альтернативной истории.

Историко-биографический дискурс, входящий в состав исторического дискурса, характеризуется диалогичностью, которая определяется дискуссионностью и наличием смежных дискурсов (интертекстуальностью и междисциплинарностью).

На основе обзора исследований, посвящённых истории и особенностям западно- и восточногерманской историографии, делается вывод о взаимодействии и взаимном влиянии обеих исторических школ. Исследователями отмечены схожие черты и различия между западно- и восточногерманскими историческими текстами. Среди общих черт следует назвать соревновательность научных школ, негативное отношение к национал-социалистическим идеям и обществоведческое направление, новое для ФРГ, но изначально характерное для историографии ГДР. Среди различий отмечены идеологические особенности: плюрализм мнений в западногерманских текстах в противовес марксистско-ленинской теории в основе восточногерманской историографии.

Возникновение «параллельных биографий», посвящённых одним и тем же деятелям, значимым для истории Германии, объясняется активными контактами между историографами ГДР и ФРГ в конце 70-х – 80-х гг. XX в. в связи с возникновением у восточногерманских идеологов интереса к историческому наследию и традициям социалистической нации.

Во второй главе «Неориторическая модель анализа историко-биографического дискурса» обосновывается методология исследования:

рассматриваются основные понятия неориторики (дискурсивная практика, коммуникативная интенция, стратегия, тактика, языковая манифестация, дискурсная компетенция), даётся обзор основных коммуникативных стратегий, выявленных в анализируемых текстах, и обзор дискурсных формаций с позиции дискурсных компетенций.

При изучении нарративных текстов с позиции дискурсных компетенций и коммуникативных стратегий нарратология предстаёт как аналитика повествовательного дискурса: особая методология, позволяющий анализировать фактуальные повествовательные тексты, в том числе историко-биографические.

Референтная, креативная и рецептивная компетенции неотделимы друг от друга, но в зависимости от частных целей в рамках основной коммуникативной интенции одна или две компетенции могут преобладать при реализации конкретных стратегий и, следовательно, влиять на языковую манифестацию.

Под *референтной* компетенцией понимается формирование картины мира, общей для адресанта и адресата, соотнесённость дискурса с действительностью. В классической риторике референтной компетенции соответствует инвенция как поиск предмета речи. В историко-биографическом дискурсе референтная компетенция подразумевает события из жизни исторической личности – героя биографии, обстоятельства его жизни, общий контекст эпохи. В реальной жизни, которую стремятся отобразить историки, событием становится не всё, что происходит, поскольку событие всегда связано с неким субъектом (участником или наблюдателем / интерпретатором).

Отбор событий для повествования связан со следующей, *креативной*, компетенцией, представляющей собой типовое риторическое поведение субъекта коммуникации, «роль», которую он играет. Креативная компетенция соотносит дискурс с языком и проявляется на уровне внешней речи; в нарративном дискурсе с ней соотносятся нарративная модальность и интрига. В классической риторике креативной компетенции соответствуют диспозиция (расположение «изобретённого» в соответствии с целью высказывания) и элокуция (красноречие, применение выразительных средств). В историко-биографическом дискурсе креативная компетенция отражается в отборе, аранжировке и ранжировании событий в соответствии с замыслом историографа. В зависимости от «роли» историографа как исследователя, ритора или провидца креативная компетенция в исторических биографиях реализуется в аналитическом, текстостилевом и прогностическом аспектах.

Рецептивная компетенция подразумевает учёт говорящим фактора адресата. Она соотносится с феноменом идеального адресата, существующего в авторском представлении, обладающего коммуникативной компетенцией и также играющего определённые роли. Рецептивная компетенция соотносит дискурс с внутренней речью, мыслительной стороной её содержания. В классической риторике этой компетенции соответствуют элокуция (стилистические приёмы, способствующие убеждению) и акцио гипокризис (воспроизведение речи, предполагающее её восприятие). Для восприятия

адресатом текста в соответствии с авторским замыслом необходимо учитывать культуру мышления в рамках исторической науки и дискурсной формации.

Коммуникативная стратегия, понимаемая как модель взаимодействия участников в рамках дискурса, позволяет участнику коммуникации идентифицировать себя с некоей метасубъектной позицией – ролью, характерной для данного дискурса. Само коммуникационное пространство дискурса образуется триадой компетенций. Креативную компетенцию можно также назвать метасубъектной, референтную – метаобъектной, а рецептивную – метаадресатной. Позиционируя себя в коммуникации, субъект присваивает соответствующую роль и адресату, и объекту.

В рамках общей коммуникативной стратегии аргументативности в историко-биографическом нарративе выделяются частные коммуникативные стратегии: информирования, объяснения, оценивания, самопрезентации и объективации. Стратегии информирования и объяснения однодоминантны (в них доминирует одна компетенция – референтная), а стратегии оценивания, самопрезентации и объективации двудоминантны. В случае стратегии оценивания доминируют референтная и креативная компетенции, в случае стратегий самопрезентации и объективации – креативная и рецептивная.

Другим важным понятием неориторики является понятие *дискурсной формации*. В данном исследовании дискурсная формация рассматривается в трактовке В. И. Тюпы: как система риторических компетенций, определяющая параметры коммуникационного поведения, отвечающего исторически актуальному состоянию общественного сознания. Выделяются четыре таких формации: статусно-роевая, нормативно-ролевая, дивергентная и конвергентная. Значимость дискурсных формаций для исследования историко-биографического нарратива определяется тем, что в каждой из них по-разному реализуются дискурсные компетенции. Особенности реализации компетенций нарратива в соответствии с дискурсной формацией являются основой для избираемой адресантом коммуникативной стратегии.

Восточно- и западногерманские историко-биографические тексты созданы в рамках нормативно-ролевой и дивергентной формаций соответственно.

Нормативно-ролевая дискурсная формация характеризуется монологическим согласием, и любое высказывание в её рамках является утверждением или отрицанием легитимности каких-либо действий или мыслей. Её референтная компетенция – императивная картина мира, где актант выбирает между истинным (объективным) и ложным (субъективным); креативная компетенция характеризуется избранной канонической формой авторства, при которой говорящий соответствует заданной норме; рецептивная компетенция определяется этосом долженствования по отношению к образцу.

Дивергентная дискурсная формация характеризуется диалогическим разногласием и автономностью сознания индивида. Её референтная компетенция – релятивистская картина мира, где актант является субъектом частной инициативы, а истина отсутствует, и поэтому референция – не

объективная реальность, а продукт субъективного воображения; *креативная компетенция* характеризуется провокационностью самоутверждения, а рецептивная подразумевает этос неподчинения (мнение реципиента о предмете общения отличается от авторского).

Однако анализ исторических биографий требует более широкого подхода, в частности, рассмотрения *конвергентной дискурсной формации*. Данная формация наиболее диалогична. От дивергентной она отличается тем, что адресат в ней не вступает в спор с адресантом, а дополняет авторский текст своими смыслами, становясь таким образом соавтором. Референтная компетенция этой формации – вероятностная картина мира, где событие становится «со-бытием» актантов, а истина рождается в точке соприкосновения сознаний; креативная компетенция представляет коммуникацию как сотворчество (реальность, вызывающую к жизни другую реальность), а рецептивная компетенция характеризуется этосом ответственности коммуникантов друг перед другом.

Примечательно, что в качестве прототипического жанра этой формации выступает биография, поскольку её герой реализует самобытный смысл своей жизни. Исходя из этого, можно утверждать, что анализируемые историко-биографические тексты находятся на пересечении формаций. Их принадлежность к нормативно-ролевой и дивергентной формациям определяется доминирующей культурой мышления в ГДР и ФРГ, а принадлежность к конвергентной формации – жанровыми особенностями текстов.

В третьей главе «Роль нарративных компетенций в развёртывании коммуникативных стратегий информирования и объяснения» в рамках модели нарративных компетенций выделяются и анализируются однодоминантные стратегии историко-биографического дискурса ГДР и ФРГ с доминирующей референтной компетенцией и реализующие их тактики.

Так, стратегия **информирования** позволяет сделать акцент на повествуемом мире и его особенностях, в связи с чем в рамках данной стратегии доминирует референтная компетенция. Стратегия информирования находит отражение в тактиках рациональной аргументации и апелляции к личному авторитету). Информирование опирается на исторические документы, на утверждения о существовании чего-либо, указания на конкретные даты и точные цифры.

Тактика *рациональной аргументации* реализуется при помощи цитирования паратекстуальных элементов (исторических источников и памятников), при этом могут приводиться даты источников (документов, оставленных историческими личностями, например, речей М. Лютера):

„...verfasste [Luther] ein Bekenntnis, bekannt geworden als die „Schmalkaldischen Artikel“. Sie muten an wie eine Korrektur zum „Augsburgischen Bekenntnis“...“ [Brendler 1983: 416] (ГДР).

В связи с полимедиальностью исторических памятников историки-биографы приводят в своих текстах иллюстративный материал (портреты,

карикатуры и др.). В частности, К. О. фон Аретин (ФРГ) дополняет текст отдельными иллюстративными секциями.

Из паракстуальных элементов тактику рациональной аргументации также реализуют примечания, дополняющие основной повествовательный текст (например, примечания о том, на какую аудиторию рассчитана биография).

В основном тексте тактику рациональной аргументации реализуют указания на точные численные данные и толкования исторических терминов, например: „*Ganz-, Halb- und Viertelbauern – das stufte sich meist nach der Zahl der Zugpferde ab: etwa acht Pferde..., ansonsten vier oder... zwei Pferde*“ [Engelberg 1991: 57] (ГДР).

Тактика *апелляции к личному авторитету* также опирается на исторические источники, но позволяет сформировать образ исторической личности благодаря ссылкам к конкретным деталям, которые представляются значимыми для передачи характера «героя» биографии и создания нарративного ракурса для его рассмотрения. Например, заметки врача М. Лютера информируют о его трудолюбии, о продуктивной работе вопреки плохому самочувствию:

„1530: 10 Monate krank mit Magenbeschwerden und Ohrensausen,
Produktion: 60 Predigten, 170 Briefe, 30 Schriften.“

1536: 8 Monate krank, Schwindel, Hüftschmerzen und Nierenstein,
Produktion: 50 Predigten, 90 Briefe, 10 Schriften.“

1543: 10 Monate kränklich,

Production: 3 Predigten, 85 Briefe, 10 Schriften.“ [Kantzenbach 1972: 80] (ФРГ).

Стратегия **объяснения**, в которой также доминирует референтная компетенция, позволяет проследить логические связи, функционирующие в представленной историографом картине мира, ценности в основе этой картины мира, и построить модель анализа возможного мира, подобного повествуемому. Среди логических связей выделены каузальная, телеологическая, пространственно-временная и эмоциональная.

Данную стратегию реализуют тактики субъективного аргументирования, апелляции к авторитетам (личному и групповому), описания оценочных ориентиров, сравнения, апелляции к возможному прошлому и опровержения.

Тактика *субъективного аргументирования* выражается при помощи фактологического и ценностного обоснования. При этом могут быть использованы модальные средства, делающие высказывание (1) некатегоричным (позиционирование высказывания как предположения) или, напротив, (2) категоричным. Например:

(1) „*So mag auch der dreizehnjährige Wilhelm empfunden haben, jedenfalls glaubte er sein Leben lang, das Herz der Mutter sei am Unglück des Vaterlands zerbrochen...*“ [Herre 1983: 59] (ФРГ); „*Friedrich scheint zu dieser Zeit psychisch außerordentlich labil gewesen zu sein*“ [Mittenzwei 1987: 23] (ГДР);

(2) „*Der Bauernkrieg in Deutschland muss im Zusammenhang mit einer schon hundert Jahre in Gang befindlichen Bauernbewegung... verstanden werden*“ [Kantzenbach 1972: 56] (ФРГ); „...*Erörterungen eines möglichen Bündnisses mit Frankreich darf man sicherlich... nicht allzu wörtlich nehmen*“ [Engelberg 1991: 373] (ГДР).

Тактика *апелляции к личному авторитету* рассматривается в работе как истолкование действий и поведения исторической личности через её намерения, интересы и личностные особенности. Например, оба биографа Фридриха II отмечают влияние отца на характер сына.

Ссылки на мысли исторического персонажа могут быть приведены без указания на источник и манифестируются в языке при помощи ментальных лексических средств. Например: „*Mochte Wilhelm... die Möglichkeit einer Abdankung... als Druckmittel gegenüber seinem Ministerium verwendet haben – der Gang der Dinge zeigte ihm dann von Stunde zu Stunde deutlicher, dass er diese Möglichkeit wohl ernsthaft erwägen müsse, wollte er nicht in eine Situation geraten, die mit seiner Auffassung vom Amt des Monarchen unvereinbar sein würde*“ [Gall 2002: 276–277] (ФРГ).

В качестве авторитетов выступают также другие историографы, на которых ссылаются авторы биографий. При этом историки ГДР и ФРГ могут ссылаться друг на друга, как, например, Л. Галль и Э. Энгельберг.

Тактика *апелляции к групповому авторитету* реализуется в ссылках на обобщённые, неназванные «источники», на самом деле историческими источниками не являющиеся: например, «слова народа». Такие коллективные «персонажи» в исторических текстах, выступающие в качестве групповых авторитетов, А. Данто называет «социальными индивидами». Например: „*Nach dem harten Regime Friedrich Wilhelms I. hofften viele auf eine Erleichterung*“ [Mittenzwei 1987: 37] (ГДР).

Групповыми авторитетами также являются носители популярных идей (например, психоанализа), представленных в исторических биографиях без ссылок на конкретного автора. Например: „*[Friedrichs] überstarke Bindung an die Mutter und die Schwestern sowie seine geradezu krankhafte Abneigung gegen Verheiratete in seiner Umgebung gehören zu seinem gestörten Verhältnis zum weiblichen Geschlecht*“ [Aretin 1985: 39] (ФРГ).

Тактика *описания оценочных ориентиров* применяется не только к общепринятым ценностным категориям, но и к функционирующему в конкретной нарративной картине мира и обусловленным политической идеологией.

Например: „*Zur Zeit der Geburt Prinz Wilhelms befanden sich die Staaten des Heiligen Römischen Reiches Deutscher Nation schon im Sog der revolutionären französischen Ereignisse. Auch im friderizianischen Preußen... beschleunigte sich der Verfall des politischen und gesellschaftlichen Systems. Der Feudalismus, dessen Anfänge in den deutschen Territorien ein Jahrtausend zurücklagen, war nunmehr in das Stadium der Agonie getreten, und immer augenfälliger verschärften die*

bestehenden Produktionsverhältnisse die Krise des Gesellschaftssystems“ [Börner 1984: 13] (ГДР и марксистская теория общественно-экономических формаций);

„...die Unterschiede zwischen den Menschen sind durch die Entwicklung der Menschenrechte in der Zeit der Aufklärung, durch das demokratische Freiheitsdenken, das die Moderne prägt, aufgehoben“ [Kantzenbach 1972: 34] (ФРГ и апелляция к демократическим ценностям).

Тактика *сравнения* основывается на проведении исторических параллелей между различными аспектами повествуемого мира: личностями, эпохами, событиями и государствами. Если сравниваются личности, являющиеся представителями разных государств и выступающие в роли персонажей исторического нарратива, их действия и позиции объясняются идеологиями и пониманием исторических процессов.

Например: „*Der lebendige politische Instinkt, der einem Bismarck, einem Gortschakow und selbst einem Alexander II. ein partielles Verständnis für die historisch-politische Entwicklung verschaffte, fehlte in den Anschauungen Leopold v. Gerlachs völlig. So hielt er die Welt für verrückt und Abwarten in der Außenpolitik für das bestmögliche*“ [Engelberg 1991: 377] (ГДР). В данном отрывке примечательно использование неопределенного артикля перед именами собственными; он указывает на обобщённость позиции историографа, ставя во главу угла качество, присущее разным государственным деятелям.

Тактика *апелляции к возможному прошлому* реализуется путём построения в повествовании исторических альтернатив («возможных миров» в рамках повествуемой картины мира) и позволяет подчеркнуть значимость события, на основе которого строится альтернатива. Грамматическое средство реализации альтернативности в истории – сослагательное наклонение (*Konjunktiv II*). Например:

„*Insgesamt wurden unter Friedrich 57475 Familien neu angesiedelt, was unmöglich gewesen wäre, hätte man ihnen in Preußen nicht besondere Privilegien eingeräumt*“ [Aretin 1985: 109] (ФРГ);

„*Die preußische Reiterei... jagte... zwischen den beiden eigenen Infanterielinien dahin und hätte sie niedergeritten, wäre nicht auf die Flüchtenden geschossen worden*“ [Mittenzwei 1986: 61] (ГДР).

Конъюнктив может быть средством манифестиации альтернативности синкетично с некатегоричностью (хеджингом), например:

„*[Friedrichs] krankhaftes und bösartiges Misstrauen gegenüber seinen Beamten ... bestimmten den König ... zu einer Maßnahme, die wohl zu dieser Zeit in keinem anderen Land möglich gewesen wäre...*“ [Aretin 1985: 114] (ФРГ; модальное значение также несёт наречие *wohl*).

Тактика *опровержения* наличествует в случае несогласия историографа с мнениями других авторов. Например, И. Миттенцвай (ГДР), оспаривая утверждения историков XIX века о торжественном чествовании Фридриха II в Берлине после победы, подробно анализирует этот эпизод со ссылкой на статью в газете *Berlinische Nachrichten von Staats- und gelehrt Sachen*. Опровергаются

также популярные легенды, например, о «95 тезисах», которые Мартин Лютер якобы прибил ко входу в церковь.

В четвёртой главе «Роль нарративных компетенций в развертывании коммуникативных стратегий оценивания, самопрезентации и объективации выделяются и анализируются двудоминантные стратегии историко-биографического дискурса ГДР и ФРГ и реализующие их тактики.

Для стратегии **оценивания** доминирующими компетенциями являются референтная и креативная, поскольку эта стратегия подразумевает оценку содержательных элементов исторического материала при помощи выразительных и изобразительных языковых средств. Благодаря этим экспрессивным средствам данная стратегия роднит историко-биографический дискурс с научно-популярным. Стратегия оценивания находит реализацию в тактиках описания оценочных ориентиров, приписывания оценочных характеристик, апелляции к авторитетам и сравнения.

Тактика *описания оценочных ориентиров* проявляется в первую очередь во вступительных и заключительных главах исторических биографий. В них историограф объясняет выбор персонажа как личными мотивами и предпочтениями, так и требованиями научного сообщества. В структуре предисловий содержатся компоненты научной монографии в свёрнутом виде:

- история вопроса (изученность темы или объяснение интереса историографа именно к этой теме);
- постановка цели и задач;
- обозначение основной методологии (теории / идеи, в рамках которой историческая личность будет характеризоваться);
- комментарии и благодарности.

В послесловиях исторических биографий содержатся следующие компоненты, в которых повторяются оценочные ориентиры, намеченные в предисловиях:

- замечания источниковедческого характера;
- общая характеристика и субъективная оценка личности в контексте эпохи, а также оценка самой эпохи;
- наследие исторической личности (историческое и / или культурное), которой посвящена биография.

Оценочные ориентиры, описываются и в основном повествовательном тексте. Среди них выделены:

- этические ориентиры (соответствие / несоответствие слов исторических личностей делам, «оппортунизм», моральность / аморальность, гуманность / жестокость);
- соответствие «духу времени» (прогрессивность / реакционность); при этом как в восточно-, так и в западногерманских текстах лексические единицы *konservativ / reaktionär* окрашены негативно.

Отдельные историографы могут задавать свои собственные оценочные ориентиры: такова тема индивидуальность и «поиска себя» у Л. Галля (ФРГ), автора биографии Отто фон Бисмарка.

Тактика *приписывания оценочных характеристик*, положительных или отрицательных, реализуется в выразительных языковых средствах. Отдельные события трактуются и оцениваются историографами одинаково. Таков, например, Ольмюцкий договор, признанный внешнеполитической неудачей в историко-биографических текстах:

„Jedenfalls sollte bald erzählt werden, der Prinz von Preußen habe sich... geschworen, die „Schmach von Olmütz“ im Geiste und mit den Mitteln des großen Friedrichs zu tilgen“ [Herre 1983: 238] (ФРГ); *„Durch die Olmützer Punktation war das Ansehen Preußens erheblich erschüttert, das Ehrgefühl der meisten Preußen erheblich verletzt. Der Thronfolger nannte die Bestimmungen „moralische Schläge ins Gesicht der Armee““* [Börner 1984: 100] (ГДР).

Оценка может быть и различной в зависимости от идеологических импликаций. Так, авторы биографий Вильгельма I выражают различное отношение к революции 1848 года: в тексте Ф. Герре (ФРГ) она оценивается как «кровавая» (*„das blutige Drama auf den Straßen [der] Hauptstadt“* [Herre 1983: 189]), в то время как К. Х. Бёрнер подчёркивает её победоносность: *„Mit dem siegreichen Verlauf der Revolution in Berlin und Wien waren die stärksten Bastionen des Absolutismus in Deutschland zerschlagen“* [Börner 1984: 75].

Приписывание оценочных характеристик может иметь интертекстуальный характер (при цитации текстов, не являющихся историческими документами, или при отсылках к таким текстам). Например, Л. Галль (ФРГ) озаглавливает один из разделов своего текста *Der Zauberlehrling* («ученик колдуна»), делая отсылку к одноимённому стихотворению И. В. Гёте и сравнивая Бисмарка с этим персонажем, пытавшимся призвать злые силы, которые в итоге обернулись против него.

Функцию оценивания выполняют также социально-исторические терминологические клише, например, *Bonapartismus*, (*preußischer*) *Militarismus*, *Friedrich der Große / der Alte Fritz*, и лейтмотивы, например, «противоречие» / «противоречивость» (*Widerspruch / Widersprüchlichkeit*) по отношению к характерам и деятельности «героев» биографии.

Тактика *апелляции к авторитетам* реализует стратегию оценивания посредством приписывания оценочного мнения персонажу (историческому лицу или социальному индивиду) без ссылки на источник этого мнения. Например, К. О. фон Аретин (ФРГ) указывает, что Фридриха II «считали циником» (*„Man hielt ihn für einen Zyniker“* [Aretin 1985: 46]), а при повествовании о смерти протагониста приводит негативную реакцию народа: *„Gott sei Dank, das Ekel ist tot“* [Aretin 1985: 148].

Тактика *сравнения* позволяет провести параллели между историческими личностями и событиями, придавая им эмоциональную окраску. Например: *„...[Friedrich] liebte Bücher, die sein Vater verpönte. Dafür ritt und schoss er schlecht. Die Gegensätze spitzten sich zu, je älter der Kronprinz wurde. Friedrich litt“*

unter seinem gewalttätigen Vater. Jahrzehnte später, schon König und in seinem Verhältnis zu anderen Staaten nicht minder gewalttätig, verfolgte ihn der prügelnde und gebietende Vater bis in seine Träume“ [Mittenzwei 1987: 16] (ГДР);

„Für Wilhelmine Luise von Bismarck war es von vornherein ausgemacht, dass ihre Söhne den neuen Bildungsweg beschreiten würden... Beamte, Diplomaten, vielleicht sogar einmal Minister – das sollten die Söhne werden, keine trägen und selbstzufriedenen Landedelleute, ohne Ehrgeiz und ohne Zukunft“ [Gall 2002: 31]. Эмоциональность у Л. Галля (ФРГ) достигается за счёт перехода на перцептивную и идеологическую точку зрения самой матери Бисмарка: лексически выраженная негативная оценка поместных дворян принадлежит именно её позиции.

Стратегия **самопрезентации** реализуется в тексте исторических биографий через эксплицитные сигналы авторской позиции. Двудоминантный характер стратегии самопрезентации проявляется, с одной стороны, в использовании «сильных позиций» и средств автономинации (различных сигналов присутствия самого историографа в текстах), указывающих на креативную компетенцию, на роль учёного и идеолога, которую играет историограф при повествовании, с другой – на создание образа идеального реципиента как проявления рецептивной компетенции. Стратегия самопрезентации находит отражение в тактиках персонализации, аттрактивации и апелляции к авторитетам.

Тактика *персонализации* реализуется в сигналах присутствия историографа в тексте (в первую очередь личных местоимений первого лица: *ich, wir*). Примечательно, что использование местоимения *ich* в сильных позициях (введениях и заключениях) отмечено именно в текстах восточногерманского историко-биографического дискурса. Западногерманские историографы демонстрируют склонность к соблюдению запрета на «я» и вместо него используют местоимение «мы» и иные средства, например, пассивный залог.

Местоимение «я» в историко-биографическом дискурсе репрезентирует три разных аспекта личности историографа: «я» сочинителя (*Verfasser-Ich*) (1), «я» исследователя (*Forscher-Ich*) (2) и «я» повествователя (*Erzähler-Ich*) (3) (T. Steinhoff).

- (1) указывает на этапы исследования с точки зрения метанаррации и позволяет историографу уточнить цели и задачи своего труда: рассмотреть протагониста не только в контексте эпохи и общественных движений, но и как личность со своими чувствами и интересами.
- (2) позволяет выдвинуть гипотезу или основную мысль научного труда.
- (3) носит наиболее субъективный характер, поскольку с его помощью историограф повествует о личном отношении к проблеме, о том, как он пришёл к её изучению, о возможных трудностях.

В отличие от вступительных и заключительных глав, в основном тексте биографий и восточно-, и западногерманские историографы используют для персонализации местоимение *wir*.

Тактика *аттрактивации* направлена на привлечение внимания реципиента при помощи сигналов авторского присутствия в тексте. Наибольший эффект она имеет в паратекстуальных элементах, в первую очередь – в заголовках. Заголовки исторических биографий с подзаголовками выполняют следующие функции:

- (1) тематизирующую (все заголовки);
- (2) оценочную: *Bismarck. Der weiße Revolutionär* (L. Gall); *Friedrich der Große. Größe und Grenzen des Preußenkönigs. Bilder und Gegenbilder* (K. O. von Aretin); *Bismarck. Urpreuße und Reichsgründer* (E. Engelberg);
- (3) символическую: *Martin Luther. Der bürgerliche Reformator* (F.-W. Kantzenbach); *Martin Luther. Theologie und Revolution* (G. Brendler); *Bismarck. Urpreuße und Reichsgründer* (E. Engelberg).

Тактика аттрактивации реализуется также в эпиграфах, иллюстрациях и подписях к ним, библиографических списках, предметно-именных указателях и других справочных материалах. Указанные элементы отражают различные подходы историографов к организации материала (аналог исследовательского «я»).

В основном тексте тактику привлечения внимания реализуют выразительные языковые средства (анахронизмы и заимствования, сравнительные обороты), смена и пересечение точек зрения (нarrаториальной и персональной), а также особенности временной перспективы: итерация, начало *in medias res* (например, в текстах К. О. фон Аретина и Ф. Герре (ФРГ)), подробное повествование о конкретных днях и часах, замедление времени (например, при повествовании о прибытии Лютера в Вормс в тексте Г. Брендлера (ГДР)), использование настоящего времени глагола и пролепс (отсылок к последующим историческим событиям).

Тактика *апелляции к авторитетам* в рамках самопрезентации позволяет уточнить, какие исторические источники историограф считает авторитетными. Так, Ф.-В. Кантценбах (ФРГ) выражает неоднозначное отношение к марксистским историографам, писавшим о Реформации. В предисловии он высказывает мнение о неуместности использования терминов «буржуазный» / «пролетарский» при исследовании этой эпохи. Однако в основном тексте, при повествовании о восстании Томаса Мюнцера, историограф ссылается на марксистских исследователей как на авторитетов (в частности, на Ф. Энгельса): „*Einige marxistische Historiker räumen ein, dass Müntzers Lösung nicht die damals realpolitisch mögliche war. Friedrich Engels erklärt, dass Müntzers Programm eine „Vision“ gewesen sei...*“ [Kantzenbach 1972: 50].

В параграфе 4.3 «Стратегия объективации и её реализация в структуре текста» выявлена и представлена стратегия, противоположная самопрезентации. Стратегия объективации реализует такую важную черту теоретического дискурса, как интерсубъективность и обезличенность. Эта

стратегия также двудоминантна. Креативная компетенция определяет роль историографа как объективного и отстранённого повествователя, а рецептивная – ориентацию на читателя, для которого в историографических текстах ценные достоверность и отсутствие манипуляций. В рамках стратегии объективации выделяются тактики косвенного обращения, апелляции к авторитетам и указания на неточность.

Тактика *косвенного обращения* включает запрет на использование местоимения первого лица, характерный для вступительных глав в текстах западногерманских историографов. Более предпочтительными референциальными обозначениями при этом оказываются местоимение *man* и пассивный залог, включающие в себя не только историографа, но и адресата, принадлежащего к историческому сообществу. Например: „*Wenn man sich freilich ihren Verlauf und ihr Ergebnis gerade in der Hohenzollernmonarchie vor Augen hält, wird man sicher nicht zu Busmarcks eigenem... Urteil gelangen... Aber man wird nüchtern feststellen müssen, dass die revolutionäre Energie insbesondere der bäuerlichen Bevölkerung fast ausschließlich auf die Befriedigung einiger... Reformforderungen... gerichtet... war*“ [Gall 2002: 22–23] (ФРГ).

В основном повествовательном тексте запрет на местоимение «я» соблюдают как западно-, так и восточнонемецкие историографы. Ту же функцию, что местоимение *man*, выполняют референциальные обозначения *der Historiker, der Forscher*, отсылающие к историческому сообществу в целом.

Тактика *апелляции к авторитетам* подразумевает обращение как к историческому сообществу, так и к отдельным источникам. Она также реализуется при помощи референциальных обозначений *der Historiker / Forscher*, а кроме того, при помощи цитирования исторических источников и трудов других авторов. Наибольшая степень объективации достигается там, где цитаты других историков интегрируются в текст без вступительных фраз и о смене автора повествования свидетельствуют только кавычки. Например: „*Damit begann eine lange Freundschaft, die für Friedrichs geistige Entwicklung von großer Bedeutung war. „In diesen Jahren wird der junge Offizier von höchst mangelhafter Schulerziehung zum weitaus gebildetsten, kenntnis- und geistreichsten Fürsten Europas“ (Gerhard Ritter)*“ [Aretin 1985: 40] (ФРГ).

Тактика *указания на неточность* сигнализирует о неосведомлённости историографа при передаче каких-либо исторических фактов. Здесь имеет место хеджинг, позволяющий уклониться от категоричного утверждения и предупреждающий критику. Например: „*Von Friederike weiß man, dass sie [des Prinzen] aggressiven Charme erlegen ist. Über Luise gibt es nur Gerüchte und ein paar unpräzise Andeutungen*“ [Herre 1983: 19] (ФРГ); „*Die Einzelheiten [Luthers] Eisenacher Schülerlebens sind unbekannt; es darf aber als gesichert gelten, dass Luther in diesen Jahren in engere Berührung mit dem gebildeten, frommen und auch wohlhabenden Bürgertum trat*“ [Kantzenbach 1972: 19] (ФРГ; использование пассивного залога и модального глагола *dürfen*).

В **Заключении** подводятся итоги проведённого исследования и намечаются дальнейшие перспективы изучения реализации нарративных компетенций в историко-биографических текстах.

Историческая биография представляет собой специфический объект исследования: с одной стороны, нарратив является формой ее существования, с другой – инструментом объяснения и аргументации. Историко-биографический нарратив включает в себя элементы нарративного, теоретического и риторического дискурсов. Обращение к исследованию дискурсных компетенций нарратива связано со стремлением рассмотреть историко-биографический дискурс с позиций неориторики и построить модель анализа историко-биографических нарративных текстов как одновременно нарративных и теоретических в рамках комплексного дискурс-анализа.

В настоящем исследовании впервые предпринимается попытка сравнения роли нарративных компетенций в развёртывании ведущих коммуникативно-прагматических стратегий в трудах историков, представляющих различные школы и дискурсные формации. Историко-биографические тексты разделённой Германии рассматриваются как имеющие отношение одновременно к нарративному, направленному на реконструкцию исторического события, и к теоретическому дискурсу, призванному транслировать научное знание. Впервые предложена модель анализа историко-биографических текстов с позиции дискурсных компетенций и формаций, позволяющая расширить базу научного осмысления немецкоязычной научной коммуникации.

При этом историко-биографический дискурс занимает периферийное положение в теоретическом дискурсе: он служит источником знаний и материалом для их интерпретации как историками, так и более широкой аудиторией, интересующейся историческими деятелями и событиями.

Интерес западногерманских историографов к трудам, написанным в Восточной Германии, начинает возрастать в конце 60-х гг. XX века. Восточногерманские историки, в свою очередь, проявляли наибольший интерес к исследованиям западногерманских коллег в 70–80-е гг. в связи со сменой парадигмы в историографической школе ГДР. С этим сотрудничеством связано возникновение «параллельных» биографий, посвящённых одним и тем же деятелям немецкой истории, таким как Мартин Лютер, прусский король Фридрих II, германский император Вильгельм I и Отто фон Бисмарк. Однако в связи с идеологическими различиями действия этих персонажей и события, связанные с ними, могут получать в «параллельных» биографиях различную интерпретацию и оценку.

Общей стратегией историко-биографического дискурса является стратегия аргументирования. Общую стратегическую направленность историко-биографического дискурса реализуют частные стратегии информирования, объяснения, оценивания, самопрезентации и объективации.

Поскольку историко-биографические тексты по форме и содержанию принадлежат прототипическому жанру повествования, поскольку именно

нарратив играет особую роль в аргументировании и развёртывании коммуникативных стратегий историко-биографического дискурса.

В связи с этим в основу анализа исторических биографий была положена трёхвекторная модель нарративных компетенций как адекватная материалу исследования. Она охватывает три составляющих коммуникативного события: его контент (референтная компетенция) и его участников – автора (креативная компетенция) и потенциального адресата (рецептивная компетенция).

Референтная компетенция связана с формированием содержания исторической биографии: на основе событий и обстоятельств жизни исторической личности и общего контекста эпохи выстраивается картина мира, общая для адресанта (историографа) и адресата. Креативная компетенция отражает типовое поведение адресанта (историка-биографа), роль, которую он играет в коммуникации и которая связана с отбором, аранжировкой и ранжированием исторических событий. В историко-биографическом нарративе эта роль проявляется в текстостилевом, аналитическом и прогностическом аспектах. Рецептивная компетенция подразумевает учёт адресантом фактора адресата. Она формирует интерсубъективную повествовательную перспективу, включающую представление адресанта об идеальном реципиенте и его возможных ролях в коммуникации, о его читательской компетентности, определяемой в том числе культурой мышления в рамках дискурсной формации.

В рамках каждой частной коммуникативной стратегии историко-биографического нарратива находят свою реализацию все три дискурсные компетенции, но для каждой стратегии они обладают разной значимостью в зависимости от частных целей в рамках основной коммуникативной интенции.

Так, однодоминантными (с одной доминирующей компетенцией) являются стратегии информирования и объяснения. Двудоминантными (с двумя доминирующими компетенциями) являются стратегии оценивания, самопрезентации и объективации.

Стратегия информирования проявляется в тактиках рациональной аргументации и апелляции к личному авторитету. Стратегию объяснения, основанную на различных типах логической связи, позволяют реализовать тактики субъективного аргументирования, апелляции к авторитетам (личному и групповому), описания оценочных ориентиров, сравнения, апелляции к возможному прошлому и опровержения. Референтная компетенция является доминирующей для стратегий информирования и объяснения, поскольку они подразумевают работу с историческим материалом (событиями в жизни исторической личности).

Стратегия оценивания находит своё отражение в тактиках описания оценочных ориентиров, приписывания оценочных характеристик, апелляции к авторитетам и сравнения. В ней доминируют референтная и креативная компетенции, поскольку эта стратегия подразумевает оценку содержательных элементов исторического материала при помощи различных выразительных и изобразительных языковых средств.

Стратегию самопрезентации позволяют реализовать тактики персонализации, аттрактивации и апелляции к авторитетам. Стратегию объективации реализуют тактики косвенного обращения, апелляции к авторитетам и указания на неточность. В рамках стратегий самопрезентации и объективации доминирующими являются креативная и рецептивная компетенции, поскольку данные стратегии связаны как с сигналами авторского присутствия в историко-биографических текстах, так и с читательскими ожиданиями от повествования. Стратегии самопрезентации и объективации позволяют создать образ историографа как учёного, стремящегося к объективности изложения, и в то же время как повествователя, апеллирующего к ценностям.

Историография ГДР и ФРГ соотносима с разными общественно-политическими и, соответственно, дискурсными формациями (нормативно-ролевой и дивергентной соответственно). Однако историко-биографические тексты ГДР и ФРГ представляют собой единый дискурс. Это объясняется конвергентным характером развития анализируемого дискурса: несмотря на идеологические различия, историографы ГДР и ФРГ не допускали в своих исследованиях полного разрыва между научными школами. На фоне различий в идеологиях и методологиях прослеживаются общие черты, в частности, сочетание индивидуального и социального в обосновании исторических событий (в связи с этим – интерес к биографиям), стремление к дискуссионности и обмену мнениями. Между западно- и восточнонемецким историческим нарративом отмечены отдельные различия в идеологических импликациях и в развёртывании исследовательского «я».

Предложенная модель анализа историко-биографического дискурса разделённой Германии позволила осуществить комплексный подход к его исследованию с акцентом на неориторический аспект и с опорой на нарративные компетенции. Анализ западно- и восточнонемецких историко-биографических текстов показал, что данные тексты представляют собой единый дискурс. В развёртывании общих для этого дискурса стратегий ведущая роль принадлежит нарративным компетенциям, проявляющим себя сходным образом на уровне языковой манифестации.

Результаты дискурс-анализа, сравнительного и контекстуального анализа текстов показывают, что историко-биографический дискурс разделённой Германии сочетает в себе элементы различных дискурсов: теоретического (академического и научно-популярного), нарративного и риторического. Это характеризует анализируемый дискурс как диалогичный и конвергентный.

Перспективы реферируемого исследования видятся в более детальном анализе смысловых связей, лежащих в основе историко-биографического нарратива разделённой Германии, в частности, риторического аспекта аргументации, а также в более подробном изучении пара- и интертекстуальных особенностей западно- и восточнонемецкого историко-биографического дискурса.

Предложенная процедура анализа конвергентного типа нарративного текста, языковой материал и основные положения работы могут быть использованы при дальнейшем комплексном дискурс-анализе немецкоязычных историко-биографических (и в целом – исторических) текстов, созданных другими авторами и в другое время (например, современных исторических биографий), а также текстов в других видах коммуникации (например, публицистической, политической, художественной) и на материале других языков.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи в рецензируемых российских изданиях, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации:

1. Мовчан, М. К. Частные нарративные стратегии создания образа исторической личности в произведениях историков ГДР и ФРГ / М. К. Мовчан // Вопросы филологии. – № 2 (58). – М.: Институт иностранных языков, 2017. – С. 97–102. (0,3 п.л.)

2. Мовчан, М. К. Особенности смысловых связей в западно- и восточнонемецком историческом нарративе (на примере биографических текстов) / М. К. Мовчан // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. Серия: Общественные и гуманитарные науки. – № 197. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 2020. – С. 220–227. (0,47 п.л.)

3. Мовчан, М. К. Коммуникативные стратегии в западно- и восточнонемецком историко-биографическом дискурсе / М. К. Мовчан // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2024. – Т. 22. – № 3. – С. 20–33. (0,875 п.л.)

Статьи в сборниках материалов конференций:

4. Мовчан, М. К. Частные нарративные стратегии создания фигур исторической личности в работах восточногерманских историков (на материале биографий Фридриха Второго "Friedrich II. von Preussen: eine Biographie" И. Миттенцвай и Отто фон Бисмарка "Bismarck: Urpreusse und Reichsgründer" Э. Энгельберга) / М. К. Мовчан // Материалы вузовской научно-практической конференции «Актуальные проблемы романо-германской филологии и методики преподавания иностранного языка». – Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2017. – С. 20–24. (0,28 п.л.)

5. Мовчан, М. К. Особенности языковой реализации нарративных стратегий в историческом дискурсе ГДР / М. К. Мовчан // Коммуникативная культура: история и современность. Материалы VII Международной научно-практической конференции. – Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2017. – С. 156–159. (0,25 п.л.)

6. Мовчан, М. К. Дискурсивный потенциал заголовков историко-биографических текстов / М. К. Мовчан // Герценовские чтения: Иностранные языки. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 2018. – С. 65–66. (0,1 п.л.)
7. Мовчан М. К. Паратексты как частная нарративная стратегия в историческом дискурсе ГДР и ФРГ / М. К. Мовчан // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах. Материалы IX Международной научной конференции. – Т. 2. – Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2018. – С. 64–67. (0,22 п.л.)

Статьи в других изданиях

8. Мовчан, М. К. Нарративные стратегии создания образа исторической личности (на материале биографии Фридриха Второго „Friedrich II. von Preußen: eine Biographie“ И. Миттенцвай) / М. К. Мовчан // *Studia Linguistica.* – Вып. XXVI. – СПб.: Политехника-принт, 2017. – С. 154–159. (0,375 п.л.)
9. Мовчан, М. К. Особенности языковой реализации дискурсных компетенций исторического нарратива в биографическом дискурсе ГДР и ФРГ (аспект повествовательной точки зрения) / М. К. Мовчан // Сборник материалов научного семинара стипендиатов программ «Михаил Ломоносов» и «Иммануил Кант» 2018–2019 года = Materialien zum wissenschaftlichen Seminar der Stipendiaten der Programme «Michail Lomonosov» und «Immanuel Kant» 2018/2019. – №15 (2019). – М.: ФЛИНТА, 2019. – С. 184–189. (0,33 п.л.)
10. Мовчан, М. К. Проявления перспективации в биографических нарративных текстах ГДР и ФРГ (на примере биографий Фридриха II и Мартина Лютера) / М. К. Мовчан // Вестник ЧелГУ. Филологические науки. – № 6 (428). – Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2019. – С. 92–100. (0,5 п.л.)
11. Movchan, M. K. Communicative Strategies in Historical (Biographical) Discourse of the GDR and the FRG / M. K. Movchan // Международный научно-исследовательский журнал. – №5 (143). – Екатеринбург: Цифра, 2024. – URL: <https://research-journal.org/archive/5-143-2024-may/10.60797/IRJ.2024.143.112> (дата обращения: 29.09.2024). (0,5 п.л.).